

ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Осуществляется анализ социокультурного измерения Республики Беларусь в условиях глобализации. Обосновывается необходимость сохранения единого духовного пространства и белорусской национальной ментальности. Описываются основные средства, которые способны обеспечить Беларусь функционирование в качестве геополитического субъекта в многополярном и изменяющемся мире. Подчеркивается значение информации как ключевого геополитического ресурса, способного обеспечить контроль над территорией потенциального противника.

The analysis of social and cultural sphere of Belarus in the context of globalization is carried out in the article. The necessity to maintain Belarusian national mentality and uniform spiritual space is justified. Basic means which can provide Belarus functioning as the geopolitical subject in the multipolar and changing world are described. Value of information as the key geopolitical resource capable to provide control over the territory of the potential opponent is emphasized.

История XX в. не позволяет поставить под сомнение тот очевидный факт, что по мере развития цивилизации вектор геополитических устремлений наиболее развитых государств смещается из географического в сферу информационного и политического пространств и борьба за ресурсы из чисто военных, связанных с обладанием географическим пространством, постепенно перемещается на массмедийные площадки и парламентские подмошки. Или, как писал еще в середине XX в. М. Маклюен, «перо день ото дня становится могущественнее, чем шпага, а на место солдат и танков все чаще приходит типографская краска, фотографии и электронные средства коммуникации» [1, с. 389].

Информационная среда на глазах превращается в системообразующий фактор жизни людей, обществ и государств. Распространяется практика целенаправленного информационного давления, наносящего существенный ущерб национальным интересам. Выступая на военном полигоне в Гродненской области 4 ноября 2011 г., Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко заявил: «Современные войны по формам и средствам ведения в корне отличаются от тех, которые были раньше... Обязательными элементами становятся информационные атаки, дестабилизация обстановки, раздувание протестных настроений среди населения» [2].

Таким образом, управление информационными потоками превращается в главный рычаг власти в современной геополитике, которая все больше приобретает виртуальные формы.

Для дальнейшего анализа воздействия информационной революции на современную геополитику представляется целесообразным предложить выделить в едином геополитическом пространстве особую его составляющую, в рамках которой и разворачиваются информационные противостояния. Ряд исследователей предлагают говорить об «информационной парадигме геополитики» [3; 4]. Однако, с нашей точки зрения, более подходящим и корректным будет термин «измерение».

Содержанием информационного измерения геополитического пространства, исходя из вышесказанного, выступает борьба за достижение информационного превосходства, за обладание более развитым информационным

ресурсом, открывающим лучшие возможности контроля над геополитическим пространством.

На первом уровне информационного измерения геополитического пространства разворачивается борьба за символический капитал, включающий национальный менталитет, культуру и моральное состояние народа.

Речь идет о сохранении архетипа народа, его способности воспринимать, оценивать настоящее и прогнозировать будущее, чувствовать и думать. Если заинтересованность, солидарность и воодушевление людей падают, любая геополитическая система начинает давать сбои. Следовательно, наиболее эффективная модель геополитического равновесия не столько инструментально-прагматическая, сколько нравственно-этическая, способная мобилизовать духовные ресурсы стран и народов.

Учитывая геополитическое «расположение» Беларуси на самой границе православно-византийской и римско-католической цивилизаций, становится понятно, почему доминирующей чертой характера белорусов является толерантность как уважение и терпимое отношение к иному. При этом следует особо подчеркнуть, что для белоруса толерантность – не просто терпимость, но и уважительное отношение к Другому, чьи ценности интегрировались и ассимилировались в культуре. В этой связи важно замечание российского исследователя Р. Л. Лившица, проводящего четкую линию в этом вопросе между человеком западной и незападной культуры: «Западный человек чужд сантиментов и привык во всем полагаться на себя. Другой для него – соперник, конкурент, которого надо одолеть в борьбе. Общество – скрытый источник угрозы. Государство – механизм, обеспечивающий ведение конкурентной борьбы по выработанным в результате соглашения правилам. Не западный человек видит в Другом члена семьи – своей и чужой. Другой имеет равное с другими людьми право на место под солнцем. Вот почему не западный человек не может додуматься до расизма; расизм, как и фашизм, – продукты западной цивилизации. Для не западного человека общество – большая семья, сколь бы непростыми и напряженными ни были отношения в ней. Государство в такой системе мировоззренческих координат является объектом патерналистских отношений» [5, с. 111].

Толерантность выступает ключевым компонентом белорусского этнонационального менталитета, на основе которого формируется архетип «гостеприимного и доброго соседа», и как признание инаковости выступает идентификационным признаком, позволяющим обозначить образ белоруса как со стороны взгляда Другого, так и в контексте саморефлексии. Формирование толерантности у белорусов было обусловлено многовековой коммуникацией белорусской культуры с культурами-соседами, их взаимообогащением, опытом во многом органичного общения между народами.

На специфику белорусского менталитета и мировосприятия также повлияло и то, что на территории белорусов постоянно велись многочисленные военные сражения. Толерантность как терпение к иноверцам и иноземцам дополняется новой интерпретацией: терпимость к лишениям. В результате развивается способность человека органически приспосабливаться к изменяющимся условиям жизнедеятельности, формируются такие категории мышления и ментальные качества, как жизнестойкость, долготерпение, умеренность, способность к борьбе. В силу своего геополитического положения Беларусь часто являлась заложником военных действий, требовавших ее соучастия.

Еще одной особенностью белорусского менталитета выступает неприятие радикализма и открытой оппозиции. Конфликты и противоречия как бы выводятся за рамки национального бытия. Общественное согласие трактуется как самоценность, некий табуированный символ, который не может быть разрушен. Белорусский народ никогда не прибегает к крайностям, у него отсутствует идея «мессианства». Белорус не стремится осчастливить весь мир, но он сделает все для счастья своих близких и процветания своей малой родины. Беларусь не манифестируется, а постигается. Манифестационность не свойственна белорусской традиции и идентичности. «Белорусскость» выражает себя скорее через действие, через движение к понятной практической сложной цели. «Белорусскость» – это технология жизни в данном конкретном регионе. Иногда – это технология выживания. В этом смысле белорус – это «тутэйшы», белорусом можно быть, в общем, только в регионе Беларуси» [6, с. 71–72].

Не менее важной, определяющей белорусов чертой их менталитета выступает миролюбие. Ни одна из множества войн, проходивших на территории Беларуси, не затевалась по инициативе белорусского народа. По мнению О. В. Батраевой, на протяжении всей истории в Беларуси культивируется образ не только мужчины-воина, но и селянина, жизнь которого была регламентирована и детерминирована крестьянским образом жизни. «Геоклиматический и природный фактор формирует именно образ селянина, жизнь которого была регламентирована и детерминирована циклическим модусом крестьянской жизни. На основе аграрного способа жизни формируются сезонно-природные виды деятельности, а также циклическое восприятие действительности. Даже сконструированный архетип „Беларуси-партизанки“ говорит не об активном воинствующем духе белоруса, а о нежелании покоряться, предавать свою землю» [7, с. 104].

Особенность белорусского менталитета еще и в том, что белорусам присуще коллективистское самосознание: в основе организации белорусской общности лежит признание приоритета общих интересов. Можно даже говорить о парадигме коллективной ментальности белорусского народа, определившей генезис его государственности. При этом коллективизм никак не исключает и не делает чуждым для белоруса элемент индивидуалистического начала, признающего автономию личности в ее отношениях с другими людьми и обществом. Умение белорусов синтезировать позитивные достижения цивилизаций полярных типов находит свое проявление и в органическом сочетании коллективистских и индивидуалистических начал в формах их жизнедеятельности. «Белорусы генетически тяготеют к коллективизму, но понимают и ценят значение принципа индивидуализма как в жизни отдельного человека, так и общества в целом. Иными словами, белорусы составляют своеобразную индивидуалистическо-коллективистскую общность» [8, с. 278].

Речь, тем самым, идет о цивилизационной самоидентификации белорусского народа, которая начинает формироваться в период Киевской Руси. Здесь складывался особый культурно-исторический тип на собственной славянской почве под преимущественным влиянием греко-византийской культуры. Став частью православного мира, Древняя Русь получила отклик своеобразного религиозного, культурного и социально-политического устройства, который на фоне слабой идентичности, предшествующей социально-политической традиции, лег в основу дальнейшего исторического пути. «Принятие православия восточными славянами было тем выбором, который предопределил характер их последующего социокультурного развития. С этого момента берет свое начало процесс формирования Беларуси как органичной части славяно-православной, или славяно-русской, цивилизационной общности» [8, с. 226].

Российский исследователь О. Г. Леонова рассматривает цивилизационную идентичность в качестве ключевого ресурса геополитического пространства в условиях глобализации. Глобальная информационная революция, способствующая трансграничному движению достижений и результатов культуры Запада, его духовных ценностей и идеалов становится вызовом западным обществам. Происходит неэквивалентный обмен ценностей Запада на демонтаж национальной культуры, сопровождающийся навязыванием универсального цивилизационного проекта. Традиционная культура и национальное сознание подвергаются цензуре новых стандартов, в ходе которой их основные элементы подвергаются диффузии и в конечном итоге могут быть аннигилированы [9].

Предметом второго уровня информационного измерения геополитического пространства выступает противостояние за недопущение научно-технического прогресса геополитического соперника. Борьба разворачивается вокруг систем образования, которые должны развиваться в рамках национальных культурных и религиозных традиций. Именно это позволило ряду стран совершить «экономические чудеса». «Это и западный капитализм, сформированный под влиянием протестантской этики,

и японское „чудо“, основанное на соединении феодальных традиций с суперсовременными технологиями, и успехи Китая, формирующего мощную рыночную экономику на философии конфуцианства, и экономические успехи Израиля, основанные на иудаизме, и т. п.» [10, с. 135].

Наряду с этим можно говорить о превращении образования в существенный фактор национальной безопасности государства. Под влиянием происходящих в мире значительных политико-экономических перемен и перехода к информационному укладу современное образование становится определяющим в позиции государств на мировом рынке.

В свою очередь, российский исследователь А. И. Фурсов считает, что сегодня, когда геополитические противостояния приобретают все более выраженный информационный характер, когда политическая дестабилизация достигается с помощью информационно-культурного воздействия на сознание и подсознание групп и индивидов, а результат этого воздействия во многом зависит от уровня образования объекта воздействия, состояние образования становится важнейшим фактором геополитической борьбы. «Для успеха информационно-психологической войны превращение образования в сеть, „населенную“ легко манипулируемыми „сетевыми человеками“ — это беспроигрышный ход в мировой борьбе за власть, ресурсы и информацию» [11, с. 232].

Исходя из сказанного, сложно не согласиться с точкой зрения белорусских ученых, отстаивающих предостережение радикального слома национальной системы образования и перестройки ее по принципу других стран, причем по искаженной парадигме. «Для многих государств мегаэкономики, в том числе и для Беларуси, внешние угрозы связаны с потерей национальных особенностей и размыванием национальной культуры, национальной структуры системы образования» [10, с. 138–139].

Е. К. Новик по этому поводу пишет, что сегодня Республике Беларусь подталкивают к отказу от одной из лучших систем образования и переходу на качественно более низкую западную систему подготовки кадров высшей квалификации. «Западными политехнологами делается попытка вынудить нас заменить научно-фундаментальный подход к образованию с его широтой и системностью, обеспечивающий не только фундаментальные профессиональные знания, но и глубокие знания о мире, природе и обществе, широкий кругозор и научное мировоззрение, „компетентностным (профильным)“ подходом с мозаичным набором узкопрофессиональных знаний одной операции, которую работник выполняет на протяжении всей жизни, ибо ничего другого делать не умеет» [12, с. 50].

С. Г. Кара-Мурза полагает, что идет подмена «университетского» типа школы на школу «мозаичной культуры». Первая ориентирована на фундаментальные знания, стремится дать «целостный свод принципов бытия», воспитать человека как всесторонне развитую личность. Школа «мозаичной культуры» формирует узкого функционера, то есть одномерного человека — «человека массы». «Это полубразованный человек, наполненный сведениями, нужными для выполнения контролируемых

операций. Человек самодовольный, считающий себя образованным, но образованным, именно чтобы быть винтиком, — „специалист“» [13, с. 430].

На третьем уровне информационного измерения геополитического пространства Беларусь сталкивается с актами информационно-психологического воздействия, главной целью которых выступает формирование у населения определенных идеологических (социальных) идей, взглядов и убеждений, которые бы соответствовали интересам субъектов воздействия.

С нашей точки зрения, главную угрозу геополитическому пространству Беларуси в рассматриваемом измерении несет такой инструмент информационно-психологических воздействий, как «цветные революции». В политическом дискурсе под «цветными революциями», как правило, понимается «процесс смены правящих режимов под давлением массовых уличных акций протеста и при поддержке финансируемых из-за рубежа неправительственных организаций» [14, с. 11].

С. Г. Кара-Мурза полагает, что именно технологии «цветных революций» будут представлять в первой половине XXI в. главную опасность независимости стран, пытающихся противостоять втягиванию их в периферию метрополии Запада. «Эти технологии обеспечиваются мощью западных общественных наук и СМИ, что обходится гораздо дешевле, чем обычные войны, и не вызывают протестов в собственных странах» [15, с. 336].

Если в индустриальном обществе массовая унификация взглядов тотальная манипуляция сознанием осуществлялась по шаблону массовой индустрии, то в постиндустриальном обществе характер манипуляции приобретает более изощренные мультикультурные субъект-субъектные сетевые интерактивные черты.

Многие исследователи обращают внимание на то, что нарабатанные в настоящее время информационно-социальные технологии позволяют на короткий срок создавать в странах-мишенях критическую массу граждан, готовых свергнуть государственную власть без какой-либо ясно осознанной социальной цели, без связанной идеологии и даже без четкого образа иной государственности, которая должна прийти на смену свергаемой. Все это говорит об отсутствии классовой подоплеку в феномене «цветных революций» [16, с. 40].

Действительно, никакого концептуального видения будущего у оппозиционных сил — субъектов «цветных революций» — не наблюдается. Ни одна из произошедших «цветных революций» не может быть истолкована в привычной логике разрешения социальных противоречий. В ходе подготовки подобных трансформаций процесс дискредитации, деморализации и делигитимизации действующей власти протекает не как столкновение классовых сил, а как невидимое изменение мнений и настроений в сознании людей, воздействие оказывается не на теории противника и не на главные идеологические устои власти, а на обыденное сознание, на повседневные, «маленькие» мысли среднего человека.

Исходя из проведенного анализа, сложно не согласиться с российскими учеными, обращающими внимание на возникновение технологических средств, охватывающих интенсивной пропагандой миллионы людей одно-

временно. Появились и организации, способные ставить политические спектакли — и в виде массовых действий и зрелищ, и в виде кровавых провокаций. «Постановка политического спектакля стала общим приемом перехвата власти... Если перехват власти проводится в момент выборов, эффективным приемом является создание общего ощущения их фальсификации, что дает повод для большого спектакля „на площади“» [15, с. 341].

По мнению М. В. Ильина, события 19 декабря 2010 г. в Минске представляли собой как раз попытку осуществления переворота по указанным методикам. Даже «у западных исследователей все меньше расхождений — все больше ученых оценивает такого рода явления как частный случай геополитического передела мира и эвфемизм для определения государственного переворота, в котором решающим фактором становится финансирование, планирование и организация „цветного путча“ извне, запускаемого под видом народно-освободительного движения или демократизации для разрушения государства-нации и установления наднационального неявного внешнего управления» [17, с. 41].

События 2010 г. в Беларуси по своему технологическому алгоритму ничем не отличались от аналогичных операций в других странах постсоветского пространства, начиная от подбора подходящей кандидатуры, альтернативной действующему главе государства, заканчивая постоянным созданием «сенсаций». Другое дело, что Беларусь оказалась одним из немногих государств, где этот сценарий закончился провалом, политическая система страны выдержала испытание на прочность, власть действовала решительно и технологично.

Вместе с тем актуальность угрозы осуществления очередной попытки «цветной революции» в Беларуси остается высокой. Мы солидарны с точкой зрения исследователей, предлагающих выработать приемлемую стратегию управления политическим конфликтом, пока эта «толпа» находится не на площади, а в уютных квартирах у телеви-

зоров» [18, с. 79]. В качестве подобной стратегии может выступить стратегия вытеснения политического конфликта выстраиванием новых экономических, политических и социальных отношений в рамках проекта Евразийского союза. Стратегия предполагает ценностную консолидацию политической элиты вокруг идеи проекта, ибо «средством борьбы за гегемонию в руках элит является прежде всего идеология, которая принимает различные формы» [19, с. 20].

Таким образом, «цветные революции» представляют собой новый алгоритм захвата власти, выступая постмодернистской угрозой национальным государствам через слом экономической, политической и национально-идентификационной структур независимых государств.

Подводя общий итог анализа информационного измерения геополитического пространства Беларуси, необходимо отметить следующее. На его первом уровне белорусское государство сталкивается с угрозой разрушения единого духовного пространства, уничтожения национальной ментальности и внедрения деструктивных стереотипов мышления.

На втором уровне — в сфере образования — белорусское государство сталкивается с двойным вызовом: задача соответствовать международным стандартам, учитывать опыт других стран сопровождается необходимостью сохранения и развития национального научно-образовательного пространства страны, опирающегося на социокультурную самобытность и исторические традиции белорусского народа. Сохранение баланса между глобальным и национальным в системе образования обеспечит Беларуси самосохранение в качестве геополитического субъекта в многополярном и изменяющемся мире.

И на третьем уровне информационного измерения геополитического пространства Беларусь сталкивается с информационно-психологическими воздействиями извне, грозящими стране потерей геополитической субъектности.

Список использованных источников

1. Маклюэн, М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Г. Николаева. — М. : Гиперборей : Кучково поле, 2007. — 462 с.
2. Береснева, Е. Частью оборонительной доктрины Беларуси станут войска территориальной обороны [Электронный ресурс] / Е. Береснева // Гродзен. праўда. — 2011. — 7 лістап. — Рэжым доступу: <http://grodnonews.by/ru/0/9443/news>. — Дата доступу: 02.08.2012.
3. Конобеев, В. Н. Битва за Римленд / В. Н. Конобеев // Беларус. думка. — 2009. — № 3. — С. 55–59.
4. Основы идеологии обеспечения военной безопасности государства: идеологическая работа в Вооруженных Силах Республики Беларусь / А. Н. Гура [и др.] ; под ред. А. Н. Гуры. — Минск : Беларусь, 2009. — 198 с.
5. Лившиц, Р. Л. Homo postsoveticus: упования и реальность / Р. Л. Лившиц // Мировоззрение и культура : сб. ст. / под ред. В. В. Кима. — Екатеринбург, 2002. — С. 110–117.
6. Шевцов, Ю. Объединенная нация. Феномен Беларуси / Ю. Шевцов ; предисл. Г. О. Павловского ; послесл. В. Глазычева. — М. : Европа, 2005. — 239 с.
7. Батраева, О. В. Беларусь как социокультурный тип в контексте восточного славянства / О. В. Батраева // Беларус. думка. — 2010. — № 2. — С. 102–107.
8. Мельник, В. А. Основы идеологии белорусского государства : пособие для студентов вузов / В. А. Мельник. — Минск : Выш. шк., 2009. — 416 с.
9. Леонова, О. Г. Вызовы социокультурной глобализации и ответы цивилизации / О. Г. Леонова // Соц.-гуманитар. знания. — 2011. — № 2. — С. 227–235.
10. Козловский, В. В. Мировые интеграционные процессы в образовании и национальная безопасность Республики Беларусь / В. В. Козловский // Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / О. А. Павловская [и др.] ; НАН Беларуси, Ин-т философии ; под ред. О. А. Павловской. — Минск, 2010. — С. 130–141.

11. Фурсов, А. И. «Реформа» образования сквозь социальную и геополитическую призму / А. И. Фурсов // Наш современник. — 2012. — № 1. — С. 231–242.
 12. Новик, Е. К. Реформы в образовании не гарантируют повышения его качества / Е. К. Новик // Беларус. думка. — 2012. — № 10. — С. 45–52.
 13. Кара-Мурза, С. Г. Потерянный разум / С. Г. Кара-Мурза. — М.: Эксмо, 2007. — 736 с.
 14. Почепцов, Г. Г. Революция.com. Основы протестной инженерии / Г. Г. Почепцов. — М.: Европа, 2005. — 520 с.
 15. Кара-Мурза, С. Г. Кризисное обществоведение: курс лекций: в 2 ч. / С. Г. Кара-Мурза; Центр проблем. анализа и гос.-управлен. проектирования. — М.: Науч. эксперт, 2012. — Ч. 2. — 382 с.
 16. Голубев, С. Г. Постмодернистские аспекты в политике Евросоюза по отношению к Союзному государству Беларуси и России / С. Г. Голубев // Политика Европейского союза в отношении Союзного государства Беларуси и России: сб. материалов круглого стола, Минск, 11 мая 2012 г. / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь, Рос. ин-т стратег. исслед., Белорус. гос. ун-т культуры и искусств; под ред. А. В. Базанова, Л. П. Решетникова. — Минск, 2012. — С. 37–54.
 17. Лебедева, И. В. Брокеры мусорных революций / И. В. Лебедева // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека: сб. ст. / сост. Е. А. Бондарева; отв. ред. Н. А. Нарочницкая. — СПб., 2008. — С. 39–55.
 18. Кара-Мурза, С. Г. Революции на экспорт / С. Г. Кара-Мурза. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2006. — 525 с.
 19. Смирнов, Д. Н. Манипулятивные технологии и их применение в условиях смены политического режима: опыт оранжевой революции на Украине: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Д. Н. Смирнов; Нижегород. гос. лингв. ун-т. — Н. Новгород, 2008. — 27 с.
- 22.01.2015

УДК 808.5:329.7

ХОАНГ ТХАНЬ СУАН

НАВЫКИ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ — ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАБОТЫ ПРОФСОЮЗНЫХ СОТРУДНИКОВ ВЬЕТНАМА

Чтобы достичь успехов в пропагандистской работе, работники профсоюзов должны иметь глубокие знания, быть работоспособными, а также обладать коммуникативными навыками. Один из коммуникативных навыков — навык публичного выступления.

To achieve success in propaganda activities, employees of trade unions must have deep knowledge, to be efficient, and also to possess communicative skills. One of the communicative skills is the skill of public speaking.

Что такое навыки публичного выступления? Какую роль они играют в социальной жизни в целом и в достижении эффективности в работе в частности? Что нужно сделать, чтобы правильно реализовать презентационные навыки в своей деятельности? Нужно ли профсоюзным сотрудникам повышать уровень владения навыками публичного выступления? На эти вопросы сложно найти ответы. Однако стоит помнить, что во все времена во всех общественных системах общение между людьми осуществляется непрерывно везде, во всех областях жизни — от обыденной сферы до работы. Выступление отражает культуру человека и цивилизованность общества. Именно поэтому навыки публичного выступления являются важным средством для выполнения задач и достижения успехов не только конкретного человека, но и любой организации.

«Общение — это процесс, который реализуется на основе обмена информацией между двумя или более людьми посредством языка, жестов, слов, чтобы информация от адресанта была получена и понята адресатом». Благодаря общению налаживаются контакты, строится участие в социальных отношениях, происходит обмен опытом. Выделяются вербальные (язык слов) и невербальные (язык действий) средства общения. Вербальная форма включает говорение и письмо. То, как говорящий произносит слова (внятно ли и четко ли), какой тон выбирает,

с какой скоростью говорит, оказывает сильное влияние на процесс общения. Ведь неправильное произношение затрудняет осмысление, а иногда приводит к неправильному или совершенному непониманию речи. Идеальная речь складывается из умения точно, четко и логично формулировать свою мысль, представления о том, кому она предназначена, какова цель выступления, знания языка, его норм и правил, умения безошибочно выбрать стиль и языковые средства в соответствии с поставленной целью.

Наряду с вербальным языком существует и невербальный, или язык жестов. Чтобы повысить эффективность процесса общения, нужно обладать хорошими навыками речи, знать правила речевого поведения, а также владеть невербальными средствами, чтобы понять намерения собеседника и одновременно сделать свою речь более оживленной и разнообразной. Например, глаза считаются зеркалом души человека, взгляд выражает настроение его хозяина (радость, грусть, страх, гнев, беспокойство), а также помогает узнать и понять желания, мысли и чувства собеседника. Именно поэтому при общении нужно уметь пользоваться взглядом, но делать это непросто. Кроме того, важную роль в общении играет выражение лица. Как правило, на него в первую очередь обращают внимание, когда общаются. Выражение лица частично создает представление о человеке. И это представление